

**АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ**

**ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ И ПРОБЛЕМЫ
ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ ВОСТОКА**

Краткие сообщения и автоаннотации

**У1 годичная научная сессия ЛО ИВ АН,
посвященная 100-летию со дня рождения В.И. Ленина
апрель 1970 года**

ИЗДАТЕЛЬСТВО "НАУКА"

Главная редакция, восточной литературы

Москва 1970

создало необходимую историческую перспективу для сравнительных исследований. (Акиадский сыграл в сравнительном семитском языкознании ту же роль, что санскрит в индоевропейском). Вершина этого периода — Grundriss Брокельмана.

В грамматических описаниях сохраняется смешанная европеоко-арабская методика. В то же время в теоретических работах под влиянием младограмматизма арабские грамматические теории получают резко отрицательную оценку (Вайль).

IX период (1918 г. — 1945 г.). Промежуток между войнами может быть охарактеризован как период "малых дел". Основное внимание уделяется разработке частных, хотя иногда и фундаментальных вопросов (Козн — видовременные отношения), большое внимание уделяется диалектам и современному литературному языку.

Животрепещущей темой становится проблема классификации. Она обостряется благодаря введению в науку иврита и арабского (древне-иешенского) и угаритского языков.

X период с 1945 г. по настоящее время.

Для послевоенного периода характерно крайнее разнообразие проблем и методов. В описании диалектов применяется новейшая методика (Гамаль эль-Дия, Ханна и др.). В изучении классического языка основные успехи достигнуты в области фонологии (Кантино). Возрождается интерес к средневековым грамматическим учениям. Значительное внимание уделяется протоарабским диалектам и среднеарабскому (Блау, Фикк). Классификационные представления в состоянии кризиса. В целом этот период может быть назван эпохой перестройки и поисков новых путей.

В.Г.Гузев, Д.М.Насимов

О НУЛЕВЫХ ФОРМАХ ТУРСКОГО ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО В РАЗЛИЧНЫХ ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЯХ

В тюркских языках имя существительное в ряде синтаксических функций выступает без морфологических показателей, например, в функции подлежащего, связуемого, прямого дополнения, обстоятельства, определения. При этом оно, выступая в различных грамматических категориях, противопоставляет разным формам имени с морфоло-

гическими показателями. Представляется важным строго различать, в какой грамматической категории выступает не оформленное морфологическим показателем имя в качестве нулевой формы, неотмеченного члена оппозиции, противостоя форме с показателем, отмеченному члену оппозиции. Невнимание к этому приводит к смешению различных грамматических категорий, ср. например, следующую формулировку: "Значение единственного числа существительного передается именительным падежом (атау)". - ("Современный казахский язык", Алма-Ата, 1962, стр.134).

Очевидно, что в оппозициях ат - атлар, с одной стороны, ат - атны, с другой, и ат - аты, с третьей, форма ат, участвуя в разных корреляциях, выступает в различных грамматических категориях имени. В таком случае можно говорить, что данное имя имеет нулевые показатели различных грамматических категорий. Поэтому всегда существует опасность видеть в неформальном имени существительном нулевую форму категории, в которой это имя в данном случае не выступает. Так, например, принято считать, что в предложении мен китоб укийман 'я читаю книгу' слово китоб 'книга' выступает в форме единственного числа. Однако из сравнения этого примера с другими узбекскими примерами типа тош уй 'каменный дом' или у китувчидир 'он учитель' следует, что в них имя, как и в первом примере, выступает в своеобразной функции, указывающей только на качественную сторону, обозначаемого именем предмета.

В тех случаях, когда имя используется так, что мы должны говорить о реализации его качественных потенций (ср. С.Н. Иванов, Родословное древо тюрков Абу-и-Гази-хана, Ташкент, 1969, стр. 182-183), противопоставление по числу исчезает, становится иррелевантным, и очевидно, что понятия множественность-единичность неприменимы к указанной функции имени - "вне противопоставления по числу резко ослабляется предметность существительного". (И.И. Резани, Об иерархии грамматических категорий славянских языков (на примере категорий имени существительного) - "Советское славяноведение", 1969, 3, стр.76).

Релевантным противопоставление по числу оказывается только в тех случаях, когда имя выражает не качественность, а имеет значение предмета "как точки или области, имеющей определенные пространственно-временные координаты" (Резани, там же), ср. узб.

мен бир китоб ўқийман 'я читаю книгу', ст.-узб. таки атларни бир бир тамқары чыгардук 'затем мы вывели коней' — одного за другим. В первом предложении при помощи слова бир в имени актуализируется значение предметности. Реализацию этого же значения мы видим и в предложении мен китоблар ўқийман 'я читаю книги'. В этих предложениях бир китоб и китоблар противопоставлены в рамках категории числа.

При актуализации в имени качественных значений нейтрализованными оказываются не только противопоставления по числу, но и противопоставления в рамках категории определенности-неопределенности.

Это видно из сравнения примеров: I мен китоб ўқийман, с одной стороны, и II мен бир китоб ўқийман, III мен китобни ўқийман, IV мен китоблар ўқийман, V мен китобларни ўқийман } 'я читаю книгу', а также } 'я читаю книги', с другой стороны.

Примеры II-III и IV-V противопоставлены по признаку определенности-неопределенности, причем основной падеж имени выступает как форма неопределенного прямого дополнения, а имя в винительном падеже как форма определенного дополнения. Отметим, что имя китоб во всех этих примерах остается в сфере выражения предметности. Указанное противопоставление падежей не может иметь какого-либо отношения к случаю I, где реализуются качественные значения имени существительного при нейтрализации противопоставлений по признаку определенности-неопределенности.

Итак, важной задачей морфологического исследования должно быть установление сфер релевантности каждой грамматической категории. При таком подходе оказывается, что имя в турецких языках в некоторых случаях функционирует вне категорий числа и определенности-неопределенности. Отсутствие показателя -лар, например, само по себе не обязательно свидетельствует о том, что данное имя выступает в форме единственного числа. Указанных противопоставлений мы не находим также в имени, являющимся компонентом т.н. сложных глаголов типа узб. умид қил — 'надеяться'.

Отметим, что проблема нейтрализации морфологических категорий, тесно связанная с теорией привативных оппозиций, еще не получила должной разработки в турецком языковедении, хотя без решения этой проблемы в некоторых случаях не могут быть достоверно интерпретированы факты языка.